

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

DOI: 10.17805/zpu.2021.3.11

Отклоняющиеся смыслы в межличностных коммуникациях молодежи через призму тезаурусного подхода*

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВИЧА ЛУКОВА

О. В. СОРОКИН

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФНИСЦ РАН,
ВЫСШАЯ ШКОЛА СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Изучение смыслов межличностных коммуникаций представляет особый интерес в связи с динамичными изменениями, протекающими в культурном пространстве современной молодежи. Они связаны с переосмыслением молодыми людьми привычных представлений о реальности и подвижками в ориентационных комплексах (тезаурусах), регулирующих коммуникативные практики молодежи.

Тезаурусный подход Вал. А. Лукова, применяемый в сочетании с социокультурной концепцией саморегуляции изменяющейся реальности, разрабатываемый в Центре социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН В. И. Чупровым и Ю. А. Зубок, помогает исследовать коммуникацию в молодежной среде как следствие переосмысления реальности. Выявление базовых (нормативных) и современных (отклоняющихся) смыслов и форм межличностной коммуникации позволяет понять функции и направленность смысловых девиаций в коммуникативной сфере культурного пространства молодежи.

Статья основана на результатах групповых интервью, в ходе которых выделялся круг смысловых регуляторов межличностной коммуникации, получивших широкое распространение в молодежной среде. В числе наиболее часто используемых — обценная лексика и троллинг. Как установлено в ходе исследования, обращение к мату помогает молодым людям преодолевать прежние, статичные, с их точки зрения, шаблоны общения и способствует более доверительной коммуникации со сверстниками. В свою очередь, в молодежных группах, инициирующих розыгрыши (пранкинг и троллинг) доминантой становится самопрезентация и игра.

Ключевые слова: молодежь; девиантное поведение молодежи; тезаурус; тезаурусная генерализация; отклоняющиеся смыслы; саморегуляция девиантного поведения

* Текст доклада автора на круглом столе «Социология молодежи Вал. А. Лукова» Национальной научной конференции «IV Академические чтения памяти Валерия и Владимира Луковых», 27 мая 2021 г.

Text of the author's report at the round table "Sociology of Youth by Val. A. Lukov", National Scientific Conference "IV Academic Readings in Memory of Valery and Vladimir Lukov", 27 May, 2021.

ВВЕДЕНИЕ

Тезаурусный подход — органичное продолжение феноменологической парадигмы в социологии, развиваемой Вал. А. Луковым и его коллегами в рамках собственной научной школы. А социологическая концепция конструирования социальной реальности молодежью, включающая такие элементы, как адаптация к условиям среды, достраивание реальности и ее переконструирование в соответствии с собственным культурным универсумом, восходящая к трудам А. Шютца (Шютц, 2003), П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995), наиболее полно отражает процесс интериоризации и формирования новых культурных практик в молодежной среде.

В основе идеи тезауруса лежит субъектно-ориентированная концепция, в соответствии с которой для молодого человека существенным представляются знание и опыт, освоенные в процессе жизнедеятельности, но не все, а те, что отвечают текущим целям, потребностям и интересам субъекта. Соответственно, в «тезаурусе» заложены две ключевые характеристики: первая — обозначает субъективно ощущаемую полноту информации, достаточную для раскрытия инновационной сущности молодежи, вторая — его ценностную ориентацию (Луков, Погорский, 2014: 68).

Определяющей характеристикой тезауруса является тип организации содержащегося в нем критически осмысленного знания о реальности. Осмысление здесь отвечает за тот компонент тезауруса, который связан с определенным уровнем рефлексии и последующим присвоением тех или иных образцов в качестве основы саморегуляции. Осмысленные и отрефлексированные, т. е. наделенные определенным смыслом и значением, стороны реальности приобретают для индивида ценностную форму.

Освоенные, осмысленные и ценностно определяемые части реальности продолжают испытывать рефлексии, в результате которой молодой человек определяется в своем отношении к конкретным смыслам и ценностям — принимает их или отторгает. На этой основе выстраивается целый ориентационный комплекс, одним из механизмов которого становится шкала от «своего» к «чужому». Она выстраивается не в иерархической последовательности (вертикали) от низшего к высшему, а по горизонтали. В горизонтальной плоскости выделяются зоны «своего» — близкого, вызывающего согласие, и *чужого* — не близкого, не разделяемого на ценностном, мировоззренческом уровне, вплоть до отторгаемого как «чуждое». В соответствии с ними выстраиваются и ценностно-ориентационные комплексы, наполненные определенными смысловыми конструкциями, отражающими восприятие молодыми людьми явлений реальности.

Рассматривая процессы смыслообразования, важно учитывать, что «при устойчивом развитии социума его параметры поддерживаются молодым поколением в определенных диапазонах, что обеспечивает преемственность смысловых оснований саморегуляции. Однако в процессе социокультурной динамики происходит как воспроизводство опыта, так и его переосмысление, вследствие чего в пространстве смыслов и значений молодежи проявляются разные социокультурные образцы (паттерны), относящиеся к маркерам различных исторических периодов. В соответствии с «резонансностью» опыта молодежи с теми или иными смыслами и значениями происходит отбор социокультурных образцов, на которых выстраиваются образы реальности и осуществляются взаимодействия молодых людей друг с другом и с обществом. В результате этого взаимодействия, схожие по форме, наполняются разным смыслом, а сами смыслы также претерпевают трансформацию и в но-

вом, измененном виде служат основанием саморегуляции социальных взаимодействий» (Зубок, Любутов, 2021: 168).

При всей своей кажущейся фундаментальности тезаурусы отличаются подвижностью и самим этим свойством служат адаптации молодого человека к изменяющейся социальной реальности. Формами адаптации и ориентации в осваиваемой и присваиваемой молодыми людьми среде выступают творчество, эксперимент и дестандартизация (Луков, 2008: 67). Это означает, что происходит не только пассивная адаптация молодежи к средовым условиям, но и их преобразование, где, собственно, и раскрывается инновационный потенциал молодежи. В рамках тезаурусного подхода инновационность молодежи понимается как совокупность ориентирующих симбиозов знаний о социальной реальности с духовно-нравственными основами жизнедеятельности общества. Данные основания тезауруса позволяют субъекту выстраивать стратегии межличностной коммуникации как в реальном, так и в виртуальном (сетевом, цифровом) пространстве (Coburn, Salmon, Freeman, 2020).

Стремительно растущее количество коммуникаций, прежде всего в формате онлайн, расширяет социальную реальность субъекта. В ней сосуществуют и распространяются множественные смысловые конфигурации, сформированные и воспроизводимые не только как часть базовой культуры, но и как часть смыслового контекста молодежных субкультур, как продукт локального культурного контекста, так и глобального культурного микса, как традиционного, так и современного (Зубок, Чупров, 2020: 133). Это объясняется подвижностью границ «своего» и «чужого» в тезаурусных конструкциях, когда открытость и толерантность к другим культурам способствуют освоению молодежью новых образцов и включению их в свой повседневный ориентационный арсенал (Луков, Погорский, 2014: 69). Поэтому тезаурусные генерализации молодежи отражают соединение «концептов и тезаурусных конструкций, освоенных в разное время и в разных обстоятельствах» (там же: 71). Они становятся не только более объемными, но и мозаичными, внутренне противоречивыми. В конкретных жизненных обстоятельствах объекты социальной реальности наделяются смыслами, которые отражают влияние той или иной тезаурусной генерализации. Так, смысловое ядро тезауруса продолжает удерживать часть ценностей базовой культуры, а субкультура наполняет его современными смыслами. То же самое происходит в отношении традиционных и современных образцов. Традиционные по форме, они могут приобретать современное содержание, или наоборот, традиционный смысл упаковывается в современные формы. В этой связи А. И. Ковалева обоснованно подчеркивает, что социальная реальность, которая определяет границы нормы и отклонения социализации, в условиях социальных перемен, когда усиливаются процессы стратификации в молодежной среде, наполняется процессами пересмотра данных границ, что приводит к расширению вариативности социализационной нормы, появлению многообразия социализационных практик и обновлению эталонов социализации (Ковалева, 2020: 270).

Современные вариации смыслов проявляются в коммуникативной части культурного пространства молодежи наиболее ощутимо. Это отражает нарастание инновационных процессов в сфере, где молодые люди ощущают наибольшую свободу и субъектность.

В коммуникации проявляются изменения характера межличностных отношений. Изменение смысловых матриц тезауруса, обусловленное их переопределением и реинтерпретацией, ведет к переосмыслению способов коммуникации.

В коммуникативной сфере проявляются разные смысловые конфигурации: они могут формироваться и в базовой культуре, т. е. традиционной, и в современной молодежной культуре. Если молодежная культура становится источником формирования иных смыслов, то с точки зрения нормативного подхода по отношению к смыслам базовой культуры формирующиеся современные являются отклонением. Как имманентный механизм развития, они призваны содействовать адаптации молодых людей к изменчивой реальности.

Смысловые симбиозы, объединяющие в себе базовые и отклоняющиеся образцы, включаются в процесс саморегулирования межличностной коммуникации, порождая множественные противоречия. Их решение происходит на групповом и индивидуально-личностном уровне путем выбора смысловых конструкций, отвечающих тезаурусу.

Применение тезаурусного подхода расширяет возможности исследования и интерпретации смысловых конфигураций. А это, в свою очередь, позволяет более объемно представить природу и характер отклоняющихся образцов в межличностной коммуникации молодежи.

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛОВ

Межличностная коммуникация отражает совокупность вербальных и невербальных практик социального взаимодействия субъектов, в ходе которого участники высказывают свои суждения и воспринимают суждения собеседников с целью достижения взаимопонимания. А это означает, что в культурном пространстве российской молодежи сущностные, базовые основания межличностной коммуникации представлены в форме смыслов как сущностных характеристик правил и норм, регулирующих общение между молодыми людьми.

В смыслах, которые молодые люди вкладывают в понимание межличностной коммуникации, отражается то, как молодое поколение определяет для себя сущностное значение такого взаимодействия (Кастельс, 2016).

Воспроизводство образцов базового типа культуры в пространстве социальных взаимодействий молодежи отражается в смыслах, соотносящихся с архетипическими и ментальными компонентами культуры. Эта категория смыслов отличается относительно большей устойчивостью в силу их связи с коллективным бессознательным (Чупров, Зубок, Романович, 2014; Зубок, Чупров, 2020).

Культура межличностной коммуникации традиционно строится на выборе средств общения, которые ориентируются на нравственные ценности. В ее основе лежат понимание, сопереживание, ответственное отношение к своим словам и поступкам, она проявляется «в деликатности, в чувстве такта, в умении “не замечать” человеческих слабостей и недостатков, а наоборот, увидеть в нем такие достоинства, которыми можно действительно искренне восхищаться...» (Сафьянов, 1998: 38). Культура личности человека во многом определяется тем, насколько данный человек руководствуется в межличностной коммуникации упомянутыми выше этическими нормами общения. Данные нормы в форме смыслов располагаются в ядре культурного пространства молодежи и отражают глубинное понимание ею сущности межличностной коммуникации, которая раскрывается в нравственной культуре общения. Достижение истинного, глубинного взаимопонимания в процессе межличностной коммуникации возможно только благодаря следованию таким ценностям, как тактичность, отзывчивость, предупредитель-

ность, учтивость, корректность, обходительность, снисходительность, деликатность, вежливость, толерантность (там же: 42). В этой связи исследователь В. И. Сафьянов обращает внимание на то, что ценности межличностной коммуникации связаны с самооценностью морального достоинства человека в культурном пространстве. Следование собеседников нравственным ценностям культуры общения свидетельствует о разделении ими смыслов межличностной коммуникации базовой культуры.

Наделение межличностной коммуникации новыми смыслами и массовая поддержка микшированных образцов в дальнейшем может привести к их институционализации и рождению новой нормы. Масштабирование новых норм сопровождается рутинизацией и нормализацией в молодежной среде тезаурусных генерализаций с высокой долей смыслов и форм, прежде воспринимавшихся как девиантные. Этот механизм отражает, в терминологии Вал. А. Лукова, процесс переструктурирования реальности молодежью. А это означает, что первоначальные смыслы, заложенные в основания социальных норм, переосмысливаются молодыми людьми под влиянием новых культурных трендов. В молодежной среде нарастает гибридность из многочисленных смысловых проекций (Зубок, Любутов, 2021: 168). Выбор актуальных образцов межличностных коммуникаций, отвечающих текущим потребностям и интересам молодых людей, — предмет индивидуальной и групповой саморегуляции. Обращение к тезаурусному подходу Вал. А. Лукова позволяет исследовать коммуникации с точки зрения тех отклонений, которые возникают в процессе саморегуляции. Если в культурном пространстве молодежи преобладание тех или иных образцов коммуникации объясняется ситуативной доминантой определенных тезаурусных генерализаций, востребованных молодежью в определенных жизненных ситуациях, то эта изменчивость самого тезауруса предполагает размытость границ между «нормативным» и «отклоняющимся» в его структуре. И чем выше интенсивность изменений, тем шире пространство отклонений и тем выше роль «иных», отклоняющихся смыслов в саморегуляции коммуникативных процессов. Отклоняющиеся смыслы часто определяются как девиантные на том основании, что в процессе переосмысления и переформатирования коммуникации сопрягаются с девальвацией этических и моральных норм ее регуляции, с дистанцированием от их институциональных образцов.

Межличностная коммуникация в молодежной среде, по Вал. А. Лукову, является конструируемым социальным пространством, в котором легитимируются смыслы, специфические для молодежных групп. Результатом легитимации специфических смыслов становится ограждение в молодежной среде «своего мира» от мира «чужих». Вал. А. Луков называет данный процесс активным способом конструирования реальности (Луков, 2012: 396). Так, специфическими смыслами в молодежной среде в процессе межличностной коммуникации наделяются названия предметов, событий, действий, которые объединяются в молодежный сленг. А ненормативная лексика в межличностной коммуникации выступает важной характеристикой сленга, наполняя его экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью (там же: 399). В этой связи изучение отношения молодых людей к базовым и девиантным смыслам межличностной коммуникации выступает одним из индикаторов использования тезаурусного подхода в изучении социокультурных особенностей девиаций в молодежной среде.

В рамках данного исследования была предпринята попытка изучения отношения студенческой молодежи к допустимости использования в межличностной ком-

муникации обценной лексики и провоцирования вражды между собеседниками. В поисках ответа на данный вопрос были проведены фокус-группы¹.

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ОБЩЕННОЙ ЛЕКСИКЕ

Ненормативная лексика и сленг как молодежные специфические характеристики объектов закрепляются в тезаурусе в форме повседневного знания, использование которого позволяет молодому человеку адаптироваться в новых для него молодежных средах, привлечь внимание к себе и даже порой обрести популярность. Так, одна из участниц фокусированных интервью объясняет, когда обценная лексика способствует более комфортному общению с незнакомым человеком: «Опираясь на свой опыт и опыт своих знакомых, это часто происходит так, что человеку не принципиально, использовать его (мат. — О. С.) или нет. Знакомишься, смотришь, насколько он на это реагирует. И если все хорошо, и он даже сам первым сматерился, то у тебя тоже могут иногда проскакивать такие слова, и все будет хорошо. Но если человек не использует мат, я думаю, не такая большая проблема пропускать эти слова, чтобы придерживать комфортное общение» (18 лет, г. Москва, ж., РЭУ им. Плеханова)². То есть в процессе межличностной коммуникации молодой человек предпринимает действия по обозначению «своего мира», для которого характерны символические коды той общности, с которой идентифицирует себя данный молодой человек, в том числе сюда относится и обценная лексика (Кармадонов, 2004: 234). При этом традиционно в российском обществе в общении между культурными и образованными собеседниками не практиковалось активное использование ненормативной лексики, это считалось неприличным явлением. Если ненормативная лексика, т. е. мат, воспринимается молодыми людьми как норма общения и начинает часто использоваться в молодежных группах, например среди студентов вузов, то это свидетельствует о переосмыслении сущности межличностной коммуникации данными молодыми людьми и о переструктурировании ими условий среды, наделении их новыми смыслами, отличающимися от институционально одобряемых. В этом случае важным становится преимущественно экспрессивная и эмоциональная подача информации собеседниками, при этом девальвируются базовые нормы этики и культуры общения, но утверждаются субкультурные. Вал. А. Луков и Д. Л. Агранат, изучая быт курсантов вузов МВД, отмечали, что мат может стать обыденностью для некоторых молодежных групп (Луков, Агранат, 2005).

Большинство студентов, принявших участие в фокусированных интервью, испытывают определенный дискомфорт, когда они прибегают в своей речи к нецензурной лексике, особенно это касается женской части аудитории. Некоторые девушки признавались, что им бывает неловко за себя и за других в такие моменты, когда звучат бранные слова, однако влияние молодежной группы сильнее чувства внутреннего стыда: «Честно, мне очень стыдно, когда я матерюсь. Я постоянно, я стараюсь избежать этих ситуаций, всегда себя такая: “Хватит, нельзя”... у меня родители довольно-таки сурово относятся к матерным словам, сами не употребляют, меня как бы тоже стараются от этого отгородить, но как бы общество дает о себе знать. Как бы влияние людей и вообще того, как я. Я могу, например, сказать: “Все, я с ними не общаюсь”, а так, мне комфортно с ними общаться, почему бы как бы не влиться в эту компанию, немножко не сказать: “Ну, раз вы, то почему бы и мне нет, не попробовать? ...По сути, вот окружение очень сильно влияет” (19 лет, Белгород, ж., Белгородский государственный национальный исследовательский универси-

тет). Данный пример иллюстрирует ситуацию, когда обсценная лексика в тезаурусе молодых людей выполняет функцию ориентации молодого человека в социально значимых средах, способствуя идентификации с молодежной группой.

Смыслы, которыми молодые люди наделяют межличностную коммуникацию, во многом связаны с образцами, культивируемыми в рамках молодежных субкультурных групп. Отмечается, что «нормы группы (субкультуры) существенно расходятся с нормами литературного языка и общественной морали» (Киенко, 2016: 124), а нецензурная лексика выступает частью культурного пространства российского общества (Разлогов, 2020). Ненормативная лексика долгое время в российском обществе оставалась нормальным явлением исключительно для армейских, лагерно-тюремных, мужских производственных коллективов. По мере нарастания рыночных преобразований в российском обществе усиливались процессы, связанные с рационализацией и инструментализацией элементов духовной сферы в обществе, в том числе и в устной речи. Обсценная лексика, которая долгое время находилась на периферии речевой коммуникации, постепенно стала массово приниматься молодежью. Вот как этот процесс объясняет одна из участниц фокус-групп: «...в моем окружении, ну, практически все ровесники, молодежь, все практически используют мат... И если говорить про себя, то я тоже употребляю эти слова в своем лексиконе, хорошо, что нечасто, вот. И это тоже связано только с эмоциями, потому что другие причины, там какой-либо, то, что это модно использовать и так далее, кажется, это играет в более младшем возрасте, чем в нашем» (19 лет, Белгород, ж., Белгородский государственный национальный исследовательский университет). Из высказываний информанта следует, что отношение к обсценной лексике в молодежной среде заметно варьируется в зависимости от возраста и социального статуса молодого человека. В подростковом возрасте употребление ненормативной лексики часто связывается со следованием модным тенденциям, в старших молодежных группах подобное значение мата постепенно нивелируется в пользу эмоционального самовыражения. Из этого следует, что иерархичность знания в молодежном тезаурусе тесно сопряжена с возрастными особенностями. Поэтому в студенческих молодежных группах употребление обсценной лексики нередко предполагает ее целесообразность. Так, одна из участниц фокусированных интервью отмечает, что мат в общении уместен в тех случаях, когда он используется дозированно: «Я часто бываю в компаниях, в которых матерятся. Нормально, когда ненормативная лексика присутствует в речи. Ненормально, когда она становится самой речью — когда там самих слов меньше, чем ненормативной лексики. А когда это просто в каких-то ситуациях — ненормативная лексика — это совершенно нормально, нормально я отношусь к этому» (18 лет, Ростов-на-Дону, ж., Южный федеральный университет).

Особенности иерархии повседневного знания, когда на первое место выходят самопрезентация, умение представить себя в выгодном свете, как кажется субъекту, находят свое выражение в нецензурной лексике, которую используют молодые люди для адаптации в группе сверстников, особенно это важно в подростковых группах. Традиционно смысл использования мата в межличностной коммуникации заключается в наполнении коммуникации экспрессивной выразительностью и яркими красками подлинной жизни в противовес сухости «официозного» языка. Например, так один из информантов объясняет использование мата в своей речи: «Мат — это удобно и быстро на самом деле: то есть ты говоришь одно-два слова, и оно передает все эмоции, все то, что ты вкладывал в него, а не когда ты говоришь

несколько предложений, чтобы выразить какое-то чувство» (18 лет, Ростов-на-Дону, м., Южный федеральный университет).

В молодежной среде обращение к мату выступает одновременно и маркером «взрослости», и важным инструментом компенсации своего все еще маргинального, неустойчивого, переходного социального положения, а также демонстрации своего равенства и даже превосходства над миром взрослых, родителей. При этом показное сквернословие в лексике свидетельствует не только о демонстративном пренебрежении этическими нормами, но и об их демонтаже как следствии деструкции нормативности.

Таким образом, обращение к обсценной лексике помогает молодым людям разрушать культурные рамки, рушить прежние, статичные, с их точки зрения, шаблоны общения. Сама же лексика постепенно обретает статус легитимной нормальности в молодежной среде. Из ответов респондентов следует, что мат утрачивает негативную составляющую в молодежной среде, если речь идет об общении с друзьями, сверстниками из ближнего круга. При этом основные требования к использованию мата в студенческих молодежных группах следующие: он должен применяться дозированно, и, главное, он должен быть уместным в беседе, разговоре, т. е. гармонично встраиваться в устную речь говорящего. Более того, обращение к мату позволяет выделить собеседника как «своего», принадлежащего к социально значимой для молодого человека группе, с которой он себя идентифицирует. Тем самым процесс встраивания отклоняющихся смыслов межличностной коммуникации наряду с базовыми смыслами в процесс саморегуляции девиантного поведения молодежи с точки зрения тезаурусного подхода является примером активного конструирования ею социальной реальности, в котором использование обсценной лексики отражает маркер соотнесения собеседника со «своим» миром.

ТРОЛЛИНГ В КОММУНИКАЦИЯХ МОЛОДЕЖИ

Явлением с традиционно положительной коннотацией и соответствующим отношением в российской культуре были и остаются розыгрыши. Осмеяние кого-либо публично выступало важным механизмом, с одной стороны, дифференциации одних социальных групп от других, а с другой — усиливало процесс самоидентификации и сплочения социальных групп (Редкозубова, 2010: 18). Главное, чтобы розыгрыши не затрагивали глубинные, личностные особенности человека; человек, который разыгрывает, не должен задевать личное достоинство человека. Практики вызова на дуэль у представителей дворянского сословия в прошлом выступали важным механизмом выяснения отношений публично оскорбленного человека с обидчиком или злым шутником.

В последнее время появилось много так называемых блогеров-пранкеров, троллей, которые разыгрывают людей, потенциальных «жертв», вовлекая их в свои заранее срежиссированные ситуации по определенному сценарию. О популярности пранкеров свидетельствуют внушительное число подписчиков у данных блогеров и объем финансовых средств, которые они получают на рекламе. Так, согласно аналитическому ресурсу Socialblade (<https://socialblade.com/>), популярный у молодежной аудитории блогер Литвин, который прославился тем, что выкладывал на ютубхостинге видео своих розыгрышей и хулиганских выходок, в месяц зарабатывает на просмотрах и рекламе до 1,5 млн руб.³ Само слово «пранк» происходит от англ. prank — «проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка».

В онлайн-коммуникациях системы отношений «преподаватель — студент», «учитель — ученик» целью пранка и троллинга по отношению к преподавателям является попытка самоутвердиться (Akhtar, Morrison, 2019: 322), привлечь внимание на себя (Falahah, Rosmala, 2012), принизить роль преподавателя в учебном процессе, продемонстрировать его профессиональную некомпетентность (Фруммин, Эльконин, 1993), например в сфере информационных технологий. Так называемые зум-, скайп-, тимс-тролли, которые стали в период пандемии врываться в онлайн-конференции, в большинстве своем делали это либо ради развлечения, либо с целью дальнейшей монетизации своего контента, т. е. выкладывали записи троллинга преподавателей, так называемые рейды, на видеохостинги для увеличения своей аудитории и количества просмотров. Многими участниками данных розыгрышей такой провокационный стиль общения в молодежной среде воспринимается неоднозначно. Одни считают это явление негативным и контрпродуктивным для учебного процесса, другие — уместным способом разрядки обстановки в шуточной форме. Так, одна из участниц фокус-групп объясняет, почему присутствие троллей на онлайн-занятиях может быть уместным: «Если бы лично к нам на пару когда-нибудь залетел тролль, мне бы было смешно с этого, поэтому я нормально отношусь. Если бы я была преподавателем и ко мне на пару залетел тролль, я бы отрицательно к этому отнеслась» (18 лет, г. Москва, ж., МГУ им. М. В. Ломоносова).

Перенос большей части социальных взаимодействий в молодежной среде в интернет-пространство способствует появлению новых форм коммуникации, некоторые из которых отражают негативные формы, встречающиеся и во взаимодействии между акторами в реальном пространстве. Доминантным становится проявление вражды по отношению к собеседнику. Именно таким является троллинг. «Троллинг определяется как намеренная провокация, агрессивное поведение, проявляемое чаще в социальных сетях и на форумах в Интернете, с целью создания конфликтных ситуаций, травли и унижения какого-либо лица, группы лиц... главный результат троллинга... вызвать хаос в межличностной сетевой коммуникации» (Спичева, Носова, 2017: 130). Молодые люди, которые обращаются к троллингу в межличностной коммуникации, стремятся привлечь внимание к своей личности, продемонстрировать свою солидарность с теми собеседниками, которые провоцируют других участников дискуссии, беседы. Таким образом, с позиции тезаурусного подхода нормализация практик троллинга в молодежной среде, как проявления вражды по отношению к собеседнику, выступает одним из способов ограждения «своего мира», в котором действуют свои правила, примером демонстративного навязывания своих правил коммуникации другим и адаптации к новым молодежным средам, т. е. символизации, активного переструктурирования условий среды, по Вал. А. Лукову. В этом случае межличностная коммуникация в молодежной среде наделяется новыми смыслами исключительной самопрезентации, нарциссизма, перформанса, демонстрации солидарности со сверстниками, которые поддерживают розыгрыши. Вот так объясняет популярность практик троллинга на учебных онлайн-занятиях во время пандемии один из респондентов: «Я могу предположить, что такое поведение просто проявление себя, и молодежи нравится, когда какой-то индивид делает то, что остальные позволить себе не могут, в плане стадное чувство все дела. И их это оригинальность и даже иногда неординарные неправильные поступки их вдохновляют, и поэтому это так популярно, мне кажется» (18 лет, г. Москва, ж., РЭУ им. Г. В. Плеханова). Сами злые шутники-тролли предпочитают действовать в команде. Так называемые zoom-, teams-, skype-тролли врываються

группой на онлайн-занятия с целью координации действий, обмена мнениями и получения более зрелищного, с их точки зрения, контента. Для них это как сетевая компьютерная игра-стратегия. Свои акции они называют «рейдами» не случайно. По сути, с того момента как тролли врываются в учебное онлайн-занятие, начинается срежиссированный по их сценарию спектакль, который приходит на смену, как им кажется, скучному, рутинному мероприятию. Разрушая коммуникацию образовательного онлайн-пространства посредством провокаций, словесных перепалок с говорящим, размещением аморального контента, они тем самым навязывают свою информационную повестку, целью которой является максимально вывести не посвященного в данный розыгрыш участника коммуникации на эмоции, спровоцировать его гнев, ненависть и в конечном счете продемонстрировать свое бессилие перед «всемогущими троллями». В этом случае объектами троллинга становятся учителя, преподаватели, спикеры, лекторы, ученики, студенты. При этом «своим» для тролля в процессе подготовки и проведения подобных действий становятся те, кто одобряют практики троллинга, как правило, это ученики, студенты, которые сами предоставляют ссылки хулиганам на скучные, как им кажется, учебные онлайн-занятия. Вот как объясняет свой интерес к практикам троллинга один из информантов: «...мне интересно следить за выражением лица людей, которых разыгрывают... И, собственно, почему бы и нет, ведь есть хорошие розыгрыши. Но жесткие розыгрыши — это, конечно, жестко. Но... почему бы и нет, люди развлекаются, один раз же живем» (18 лет, Белгород, ж., Белгородский государственный национальный исследовательский университет).

В зоне «своего» оказываются и те, кто не противодействует троллю во время «рейда», выражает положительные эмоции, веселится, получает удовольствие от участия в этом «театре абсурда». Также в зону «своего» помещаются те, кто на провокационные выпады отвечает адекватно, т. е. тем же. В этом случае объект розыгрыша демонстрирует, с его точки зрения, достойный ответ троллю, о чем свидетельствует данное суждение респондента: «...в каждом случае можно по-разному, в каких-то можно проигнорировать. Но если меня начнут троллить, то я буду отвечать тем же, до конца» (23 года, Тюмень, м.). В зону «чужого» помещаются те, кто пытается противодействовать «рейду», кто публично осуждает данные практики, пытается нейтрализовать угрозу, помешать хулиганской выходке.

С позиции тезаурусной концепции общение между собеседниками может быть более доверительным, искренним в том случае, если собеседники оперируют схожими смысловыми характеристиками объектов, отражающими их повседневные знания о социальной реальности, тем самым демонстрируют свою солидарность с другими акторами. Участники «рейдов» взаимодействуют между собой посредством специфических субкультурных кодов в форме знаков, обозначений. Сами тролли при этом могут нивелировать для себя базовые нормы этики и культуры общения. В подобных случаях использование троллинга как формы провоцирования вражды между собеседниками может рассматриваться с точки зрения некоторых молодых людей как допустимое и нормальное явление в молодежной среде, так как данная форма позволяет им выстроить более интересно и зрелищно беседу, адаптироваться к новым коммуникационным средам, представив себя, как они считают, оригиналами и юмористами. Провокационные действия тролля в отношении собеседника фактически являются примером проявления неуважения, антигуманным действием, задевающим в первую очередь человеческое достоинство собеседника. Сами участники подобных акций осознают негативные последствия провокацион-

ного общения, но оправдывают для себя отклоняющиеся смыслы межличностной коммуникации, когда речь идет о групповой самоидентификации, солидарности в молодежных группах. Вот как это объясняет одна из участниц фокус-групп: «...я столкнулась с таким, мы постоянно троллили мою подругу, и в конце концов это для меня обернулось плохо. Поэтому вот. Ну мы ее просто так пугали... мы сейчас не общаемся» (18 лет, г. Москва, ж., РЭУ им. Г. В. Плеханова)]. Данный пример иллюстрирует групповую солидарность, которая складывается между участниками коллективного троллинга. В этом случае нередко девальвируется гуманное отношение к объекту троллинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившиеся в лоне традиционной культуры базовые смыслы коммуникации и отличающиеся от них современные смыслы сосуществуют, образуя сложные тезаурусные генерализации в молодежной среде. В таком обобщенном виде они участвуют в саморегуляции межличностных коммуникаций, по-своему отражаясь в сознании молодых индивидов и групп.

Девиантные образцы с точки зрения данного подхода выступают результатом доминирования тезаурусных генерализаций в системе повседневных знаний молодых людей, направленных на осмысление объектов изменяющейся социальной реальности. Нормализация практик использования нецензурной лексики в устной речи в подростковой и юношеской молодежных средах свидетельствует о переосмыслении прежних этических норм общения. Общественная лексика, по мнению участников фокусированных интервью, располагает к общению с собеседником в том случае, если она подчеркивает эмоциональную выразительность сказанного, добавляет экспрессии и повышает значимость слов говорящего. Более того, мат становится цементирующим звеном в общении с близкими друзьями, с которыми можно пообщаться на доверительные темы.

Использование троллинг- и пранк-практик в форме розыгрышей в межличностной коммуникации объясняется участниками фокусированных интервью необходимостью разрядить общий серьезный фон дискуссии, например с человеком, который выше по статусу, по уровню образования. Доминанта тезаурусной генерализации в форме знаний участника компьютерной стратегии позволяет троллям, пранкерам реализовывать их потребности во внимании, публичности и признании.

Данные положения свидетельствуют о серьезных сдвигах в культурном пространстве российской молодежи и требуют дальнейшего изучения и осмысления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В мае 2021 г. сотрудники Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН провели семь фокусированных интервью со студентами первых — третьих курсов бакалавриата (в интервью приняли участие 50 студентов) из следующих учебных заведений: МГУ им. М. В. Ломоносова, РЭУ им. Г. В. Плеханова, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национально-исследовательский университет». Участники фокусированных интервью представляют разные направления подготовки: «Информатика», «Социология», «Экономика и менеджмент в управлении», «Реклама и связь с общественностью», «Организация работы с молодежью», «Инженерное дело», «Архитектура».

² Здесь и далее фрагменты интервью приведены в стилистике информантов.

³ Информация взята из: <https://moneyscanner.net/skolko-zarabatyvaet-mihail-litvin/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М. : Медиум. 323 с.
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2020) Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Норма, 2020. 304 с.
- Зубок, Ю. А., Любутов, А. С. (2021) Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. №3. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10
- Кармадонов, О. А. (2004) Социология символа. М. : Academia. 352 с.
- Кастельс, М. (2016) Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 564, [4] с.
- Киенко, Т. С. (2016) Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального российского города) // Социологические исследования. №5 (385). С. 124–133.
- Ковалева, А. И. (2020) Культурная социализация молодежи в условиях социальных перемен // III Моисеевские чтения: культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации : доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции / под ред. А. В. Костиной, В. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 660 с. С. 266–271.
- Луков, Вал. А. (2012) Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация». 528 с.
- Луков, Вал. А., Луков, Вал. А. (2008) Тезаурус: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.
- Луков, Вал. А., Погорский, Э. К. (2014) Информационное общество и молодежь. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 160 с.
- Луков, В. А., Агранат, Д. Л. (2005) Курсанты : Плац. Быт. Секс: Социол. и социальн.-психол. исследование. М. : Наука ; Флинта. 272 с.
- Разлогов, К. (2020) Точка зрения. Роль мата в русской культуре [Электронный ресурс] // Постнаука. URL: <https://postnauka.ru/talks/25905> (дата обращения: 08.07.2021).
- Редкозубова, О. С. (2010) Смеховая культура студенчества как креативно-онтологический феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. 22 с.
- Сафьянов, В. И. (1998) Этика общения : учеб. пособие. М. : МГУП. 164 с.
- Спичева, Д. И., Носова, С. С. (2017) Глава 4. Сетевой флирт, френдинг, фолловинг, троллинг: классификация и описание новых коммуникативно-ролевых фреймов и номинаций виртуального межличностного общения / Глухов А. П., Кужелева-Саган И. П., Булатова Т. А. и др. Социальные сети как инфраструктура межличностного общения цифрового поколения: трансформация фреймов коммуникации ; под ред. И. П. Кужелевой-Саган. Томск : Издательский дом Томского государственного университета. С. 118–154. 220 с.
- Фрумин, И. Д., Эльконин, Б. Д. (1993) Образовательное пространство как пространство развития («школа взросления») // Вопросы психологии. №1. С. 24–32.
- Чупров, В. И., Зубок, Ю. А., Романович, Н. И. (2014) Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма: ИНФРА-М. 352 с.
- Шютц, А. (2003) Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение». 336 с.
- Akhtar, S., Morrison, C. (2019) The prevalence and impact of online trolling of UK members of parliament // Computers in Human Behavior. №99. Pp. 322–327. DOI:10.1016/j.chb.2019.05.015
- Coburn, J., Salmon, J., Freeman, I. (2020) The effects of transition style for collaborative view

sharing in immersive virtual reality // *Computers & Graphics*. №92. P. 44–54. DOI: 10.1016/j.cag.2020.08.003

Falahah, S., Rosmala, D. (2012) Study of Social Networking usage in Higher Educational Environment // *Procedia-Social and Behavior Sciences*. №67. P. 156–166. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.11.316

Дата поступления: 09.07.2021 г.

THE THESAURUS APPROACH OF VAL. A. LUKOV IN THE STUDY INTO DEVIANT MEANINGS OF INTERPERSONAL COMMUNICATION OF YOUNG PEOPLE

IN MEMORY OF VALERY ANDREYEVICH LUKOV

O. V. SOROKIN

INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH — BRANCH OF THE FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES;

HIGHER SCHOOL OF CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCES, LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

The study of the meanings of interpersonal communication is of particular interest in connection with the dynamic changes taking place in the cultural space of modern youth. They are associated with the rethinking by young people of the habitual ideas about reality and shifts in the orientation complexes (thesauruses) that regulate the communicative practices of young people.

Val. A. Lukov's thesaurus approach, applied in combination with the sociocultural concept of self-regulation of changing reality developed in the Center for Youth Sociology by V. I. Chuprov and Y. A. Zubok, helps to study communication in the youth environment as a consequence of rethinking reality. Revealing basic (normative) and modern (deviant) meanings and forms of interpersonal communication allows us to understand the functions and direction of meaning deviations in the communicative sphere of cultural space of youth.

The article is based on the results of focus groups, according to which the range of deviant semantic regulators of interpersonal communication, widespread in the youth environment, is highlighted. Among the most frequently used ones are obscene language and trolling. As found in the study, resorting to foul language helps young people to overcome the old, static, from their point of view, patterns of communication and contributes to a more trusting communication with peers. In turn, initiating pranks (pranking and trolling), self-presentation and play become dominant in youth groups.

Keywords: youth; youth deviant behavior; thesaurus; thesaurus generalization; deviant meanings; self-regulation of deviant behaviour

REFERENCES

Berger, P. and Lukman, T. (1995) *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* / transl. from English by E. Rutkevich. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).

Zubok, Ju. A. and Chuprov, V. I. (2020) *Molodjozby v kul'turnom prostranstve: samoreguljacija zhiznedejatel'nosti*. Moscow, Norma. 304 p. (In Russ.).

Zubok, Ju. A. and Liutov, A. S. (2021) Smyslovoe prostranstvo real'nosti: strukturnaia taksonomiia osnovanii samoreguljatsii vzaimodeistvii v molodezhnoi srede. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 14, no. 3, pp. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10

Karmadonov, O. A. (2004) *Sociologija simvola*. Moscow, Academia. 352 p. (In Russ.).

Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikacii: uchebnoe posobie* / transl. from English by N. M. Tylevich; ed. by A. I. Chernyh. Moscow, National Research University Higher School of Economics. 564, [4] p.

Kienko, T. S. (2016) Nenormativnaja leksika kak social'nyj fenomen (analiz oprosa zhitelej provincial'nogo rossijskogo goroda). *Sociologicheskie issledovanija*, no. 5 (385), pp. 124–133. (In Russ.).

Kovaljova, A. I. (2020) Kul'turnaja socializacija molodjozhi v uslovijah social'nyh peremen. In: *III Moiseevskie chtenija: kul'tura i gumanitarnye problemy sovremennoj civilizacii: doklady i materialy Obsbherossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii* / ed. by A. V. Kostina and V. A. Lukov. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 660 p. Pp. 266–271. (In Russ.).

Lukov, Val. A. (2012) *Teorii molodjozbi: Mezhdisciplinarnyj analiz*. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitacija», 528 p. (In Russ.).

Lukov, Val. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: sub'ektnaja organizacija gumanitarnogo znanija*. Moscow, National Institute of Business. 784 p. (In Russ.).

Lukov, Val. A. and Pogorskij, Je. K. (2014) *Informacionnoe obsbhestvo i molodjozb'*. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 160 p. (In Russ.).

Razlogov, K. (2020) Tochka zrenija. Rol' mata v russkoj kul'ture [online] *Postnauka*. Available at: <https://postnauka.ru/talks/25905> (accessed: 08.07.2021). (In Russ.).

Redkozubova, O. S. (2010) *Smebovaja kul'tura studenchestva kak kreativno-ontologicheskij fenomen*. Abstract of the dis. ... Cand. of Philosophy. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 22 p. (In Russ.).

Saf'janov, V. I. (1998) *Jetika obsbhenija: uchebnoe posobie*. Moscow, Ivan Fedorov Moscow State University of Printing. 164 p. (In Russ.).

Spicheva, D. I. and Nosova, S. S. (2017) Ch. 4. Setevoj flirt, frending, following, trolling: klassifikacija i opisanie novyh kommunikativno-rolevyh frejmov i nominacij virtual'nogo mezhlchnostnogo obsbhenija. In: Gluhov A. P., Kuzheleva-Sagan I. P., Bulatova T. A. et al. *Social'nye seti kak infrastruktura mezhlchnostnogo obsbhenija cifrovogo pokolenija: transformacija frejmov kommunikacii* / ed. by I. P. Kuzheleva-Sagan. Tomsk, Tomsk State Univ. 220 p. Pp. 118–154. (In Russ.).

Chuprov, V. I., Zubok, Ju. A. and Romanovich, N. I. (2014) *Otnosenie k social'noj real'nosti v rossijskom obsbhestve: sociokul'turnyj mehanizm formirovanija i vosproizvodstva*. Moscow, Norma: INFRA-M. 352 p. (In Russ.).

Shjutc, A. (2003) *Smyslovaja struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sociologii* / comp. by A. Ja. Alhasov; transl. from English by A. Ja. Alhasov, N. Ja. Mazlumjanova; ed. by G. S. Batygin. Moscow, "Obshestvennoe mnenie" Foundation. 336 p. (In Russ.).

Frumin, I. D., El'konin, B. D. (1993) Obrazovatel'noe prostranstvo kak prostranstvo razvitiya («shkola vzroslenija»). *Voprosy psichologii*, no. 1, pp. 24–32. (In Russ.).

Akhtar, S. and Morrison, C. (2019). The prevalence and impact of online trolling of UK members of parliament. *Computers in Human Behavior*, no. 99, pp. 322–327. DOI:10.1016/j.chb.2019.05.015

Coburn, J., Salmon, J. and Freeman, I. (2020) The effects of transition style for collaborative view sharing in immersive virtual reality. *Computers & Graphics*, no. 92, pp. 44–54. DOI: 10.1016/j.cag.2020.08.003

Falahah, S. and Rosmala, D. (2012) Study of Social Networking usage in Higher Educational Environment. *Procedia-Social and Behavior Sciences*, no. 67, pp. 156–166. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.11.316

Submission date: 09.07.2021.

Сорокин Олег Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи ФГБУН «Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН»; доцент Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 2. Тел.: +7 (499) 530-28-84. Эл. адрес: ov.sorokin@gmail.com

Sorokin Oleg Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Center for Youth Sociology, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 6, Bldg. 2, Fotievoi St., Moscow, Russian Federation, 119333. Tel.: +7 (499) 530-28-84. E-mail: ov.sorokin@gmail.com